

Алина Знаменская

Рябиновый мед. Августин

Часть 1. Дом

*Часть сборника
Рябиновый мед. Августина.
Часть 1, 2.
Дом. Замок из
песка*

Алина Знаменская
Рябиновый мед. Августина. Часть 1. Дом
Серия «Рябиновый мед. Августина», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4605579

*Дом. Замок из песка : [ч. 1,2] из романа «Рябиновый мед. Августина» / Алина Знаменская: АСТ,
Астрель; Москва; 2011
ISBN 978-5-17-075068-9, 978-5-271-37553-8*

Аннотация

Роман «Рябиновый мед. Августина» – это попытка взглянуть на век минувший глазами женщины.

Маленькой девочкой привозит отец Августина в уездный город с теплым названием Любим. Она ничего не знает о своей матери и мечтает обрести семью.

Станет ли дом исправника Сычева для нее родным? А может быть, она найдет то, что ищет, в большой семье Вознесенских?

Через все испытания герои проносят любовь. Каждый – свою.

Любовь к дому. К Родине. К Богу.

Свет любви ведет Августина сквозь первую волну испытаний неласкового двадцатого века.

Содержание

ДОМ	4
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Алина Знаменская

Дом

ДОМ

*Я посею смолоду, младенька,
Цветиков маленько.
Я на те, на те цветы взирала,
Сердце обмирало.
Русская народная песня*

Проселочная дорога петляла среди лугов, ныряла в чашу прохладного хвойного леса, где меж раскидистых еловых лап оказывалась более гладкой и укатанной, чем на воле. Покинув лес, дорога местами становилась совсем разбитой, превращаясь в настоящее испытание для путешественника.

Июльским жарким утром, на самой заре века минувшего, по дороге той, поскрипывая и подрагивая на кочках и охая на колдобинах, продвигалась одноконная подвода.

В подводе, кроме круглолицего добродушного возчика в засаленном картузе, сидели три пассажира.

Мужчина, черная густая борода которого делала затруднительным определить его возраст, был одет по-мещански: в серый суконный сюртук, такие же штаны, заправленные в козловые сапоги. Козырек нового картуза, несмотря на жару, был надвинут на глаза, скрывая от окружающих их выражение.

Кроме него, на подводе ехали нестарая общительная монахиня в черном и девочка лет пяти-шести в длинном миткалевом платице и белом бумазейном платочке. Девочка испуганно прижималась к монахине, время от времени поднимая на нее большие серые глаза, в которых плескался вопрос.

Монахиня, словно нарочно не замечая вопроса в глазах малышки, всю дорогу поддерживала оживленный разговор с возницей.

Бородатый мужчина в разговор не вступал, и было непонятно – опечален он чем-то или же попросту равнодушен к предмету беседы.

А разговор поначалу крутился вокруг красот здешней природы, богатой лесами и реками.

Местность эта издревле привлекала к себе сановную знать – для охоты, а мужей благочестивых – для уединения и духовных подвигов.

Монастыри, деревни, города и пустыньки соседствовали на Пошехонье и Ярославщине так тесно, что жизнь одного вплеталась в жизнь другого, смешивалась и становилась неразделимой. Отшельники устраивались в лесах недалеко от поселений, частенько бывали притесняемы суеверным темным людом, но, терпеливо неся свой крест, не роптали и потихоньку становились старцами. После смерти последних, как водится, тот же люд принимал их святость, ходил на оставленные святыми колодчики, поклонялся светлым ликам, просил о помощи. Святые, в свою очередь, не держали обид и уже с небес продолжали помогать потомкам бывших соседей. Так и жили. И чудеса случались. Об одном таком чуде и подмышало поведать попутчикам разговорчивую сестру Степаниду. Она наслаждалась неожиданно выпавшей праздностью, приятной беседой и молчаливым вниманием попутчиков. И едва возница коснулся в разговоре чудесного свойства лесного ключа, возле которого им довелось остановиться, сестра Степанида с готовностью подхватила:

– И-и, мил человек, чудес в мире великое множество, и все дела Божьи!

Она обращалась одновременно и к спине разговорчивого возницы, и к угрюмой фигуре бородатого. Монахиня словно не замечала его угрюмости и расточала свою тихую улыбку на всех, не боясь не встретить улыбки в ответ.

– Взять хотя бы нашу пустынь. Сколько уж ей веков, не упомнить. Бывала она, батенька мой, и мужскою, и девичьей. А вот называлась всегда одинаково: Рябиной Ильинской.

– Это почему ж?

– В незапамятные времена стояла на том месте церковка, в честь Ильи-пророка построенная. Да стала разрушаться. Забросили ее. А в лесах недалеко монастырь стоял, и игуменом в нем был преподобный Адриан. Праведник, каких поискать.

Мученическую кончину принял. Разбойники ночью ворвались в обитель, думали богатства найти несметные, а там пусто. Измывались над старцем, пытались дознаться, где сокровища спрятаны, только все зря. Убили старца и монахов, взяли, что нашли, и тело убиенного игумена унесли да на реке Ушломе и бросили. А на месте старой Ильиной церкви, аккурат год спустя, возьми да и вырасти известное дерево – рябина.

– Обычное дело.

– Обычное, мил человек, да не обычное. Стало то деревце смолкой истекать, вроде как медом. Люди пригляделись, а это не смолка вовсе, а миро.

– Таки и миро?

– Миро. Люди стали приходить и получали исцеление у дерева от разных хворей.

– Как так? – Возчик причмокнул языком. По всему было видно, что не слишком доверяет он словам монахини.

– А так. Поклонится человек деревцу, прикоснется к веточкам, и хвори как не бывало.

– Дерево же! – не верил возчик.

Мужчина с бородой безучастно смотрел в сторону. Не понять – слышит ли он, или же мысли его находятся в ином месте, далеко отсюда, от разговора о праведниках. Рядом с ним покоилась его поклажа – небольшой фанерный сундучок и тряпичный узел. Изредка мужчина взглядывал на ребенка, жмущегося к монахине. Взгляд этот был не ласков и не злобен. Таилась в нем думка, но о чем она?

Встречаясь с бородачом глазами, девочка прятала лицо в складках одежды сестры Степаниды.

– Дерево, – согласилась монахиня, поглаживая ребенка по голове. – Только непростое. Люди так и потекли с окрестных сел к рябине. Поток не иссякал. И издалека приезжали. А один раз пришел на сие место причетник из ближнего села и разъяснил, что по правилам святых отцов негоже кланяться дереву. Нужно, мол, на этом месте прежнюю церковь выстроить заново. Народ понял разумную речь. Обратились к боярыне, помещице местной.

– И что боярыня?

– Благочестивая была, разрешила строить, денег дала. Рябину не тронули, храм отстроили рядом, а после позвали игумена и попросили устроить монастырь. Так и стало. Постригся в том монастыре и житель ближнего села Иван. Принял имя Ионы. Тихий был и незаметный. А перед смертью открыл Иона игумену благочестивый поступок отца своего с убиенным мучеником Адрианом.

– Отец этого Ионы, выходит, знал старца Адриана?

– Рассказал Иона, что отец его поверженные при реке Ушломе мощи убиенного старца ночью вывез и похоронил в разрушенной церкви, а на месте погребения посадил рябину, и якобы теперь на том месте и совершаются чудеса и исцеления.

– Вон оно что! – воскликнул возница. – Так это мощи Адриана-мученика миро источали!

– После, батенька мой, братия мощи святого извлекла, а рябину игумен трогать не велел. И с тех времен в приходской церкви Рябиновой пустыни бывает праздник перенесения святых мощей.

– Это о какую же пору, матушка?

– В ноябре месяце, мил человек. Аккурат рябины-то в лесу огнем полыхают...

После рассказа монахини путешественники долго молчали.

Леса отступили. Подвода выехала на открытое место. По левую сторону точно море разливанное синел лен – глаз не отвести. С другой стороны дороги золотом отливала рожь. Впереди то показывалась, то пряталась река. Зигзаги ее терялись в необозримых полях. На увалах вдалеке паслись белые как снег овцы и черные, с белыми лбами коровы.

Подвода въехала на пригорок, и путешественникам открылся вид на лежащий вдали городок. Сам городок прятался за сенью деревьев, но окаймлявшая его с ближней стороны неширокая река неожиданно предстала во всей красе, разливаясь в зелени своих берегов, украшенная мостами, купальнями и лодками с рыбаками, а также россыпями ульев, то тут, то там обрамлявшими береговые луга.

Вот показались луковки церквей, сверкая на солнце позолотой крестов. Если приглядеться, можно было увидеть, что ближе к востоку река сливается с другой рекой, образуя стрелку. На этой-то стрелке и был когда-то давно выстроен город. Поначалу появилось городище за частоколом, окруженное, как водится, рвом с водой – от набегов неприятеля. Затем, конечно, город разросся, и к описываемому времени улицы его широким веером разбегались в разные стороны от городского вала, украшенные резными чердачными оконцами, чешуйчатыми шишечками своих церквей да башней пожарной колокольни.

Густые ярославские леса почти вплотную окружали город, отделяя его и пряча от остального мира в дикой, но необыкновенно красивой глуши. Местность эта, говорят, исстари была населена кочевым народом меря, дикий нрав которого, вероятно, и стал причиной того, что город с сердечным названием Любим долго не был известен истории.

Впрочем, дикость этого места была на руку многочисленным сподвижникам духа, старцам-отшельникам, подвизающимся в окрестных лесах. В посте и молитве они понемногу накапливали вокруг города незримый Дух Места, что, бесспорно, ощущался в той стороне и поныне...

Когда подвода с нашими путешественниками неспешно приближалась по дороге к кузницам и острогу, предвещающим въезд в город, навстречу стали попадаться люди, шагающие по своим делам. То и дело обгоняли подводу возки, доверху груженные душистым сеном.

Монахиня обращала внимание девочки на то, что видела сама. Но девочка вроде и не была рада выпавшему на ее долю длительному путешествию и ярким впечатлениям, до которых так жадно бывает детство.

Она не замечала ни мальчишек-рыбаков, облепивших берег, ни пасечника, колдующего над своими ульями, ни красоты разнотравья. Малышка лишь с опаской взглядывала на бородатого мужчину, молчаливо сидевшего впереди.

Но вот с другой стороны моста, куда уже намеревалась въехать наша телега, показалось красочное семейство местного батюшки. Впереди бежали мальчики с корзинками в руках, обгоняя друг друга и дурачась. За ребятами степенно шагал поп в широкополой шляпе. Батюшка держал на обеих руках по младенцу, добродушно улыбался и кивал возчику, мол, проезжай, пропускаю. Рядом с ним, так же добродушно улыбаясь, стояла матушка с корзиной.

– Отец Сергей по грибы собрался, – пояснил возчик и, поравнявшись с попом и попадшей, приподнял картуз и поклонился. А потом добавил: – Душа-человек. Но – строгий.

Поп и попадья улыбались, оба младенца тоже улыбались и резво махали ручками. Только тут девочка-путешественница выглянула из своего укрытия и несмело улыбнулась в ответ.

– Строгий, но справедливый, – сам себе добавил возчик и легонько ударил лошадку вожжами.

Когда подвода миновала каменное здание острога и город стал очевиден, надвинулся своими, в основном деревянными, строениями, девочка вдруг порывисто обхватила монахиню обеими руками и спрятала лицо у нее на груди.

– Ну-ну, моя... – наклонилась к ней сестра Степанида. – Господь милостив, ласточка, свыкнешься.

Подвода въехала на улицу, мощенную булыжником, и сразу от колес прибавилось шума, а копыта отчетливо застучали: цок! цок! цок!

Проехали мимо каменных казенных зданий. У ворот двухэтажного тесового дома с каменным цокольным этажом возница остановил лошадь.

Девочка открыла глаза, только когда большие руки бородатого человека подняли ее с телеги и поставили на землю. Она хотела было вырваться и убежать к монахине, но бородатый крепко держал ее за руку.

Ворота, скрипнув, распахнулись. Перед приехавшими предстал мощный гладким камнем двор, широкое парадное крыльцо, на котором, как перед треногой заезжего фотографа, колоритно выстроилось семейство обитателей дома.

Дама в светлом длинном платье с высоким воротом и длинными рукавами держала за руку карапуза в кружевной рубашонке. Рядом с ними стояли удивительно похожие на даму и друг на друга девочки в соломенных шляпках. Одна – ростом с нашу путешественницу, другая – на голову повыше. У обеих девочек волосы были неестественно белые, белее пшеничных колосьев, пожалуй, как тополиный пух. Такие же белые у них были брови и ресницы.

Сзади стояла деревенская нянька с младенцем на руках.

Бородатый человек поклонился и подтолкнул вперед себя девочку.

Она споткнулась, остановилась в растерянности. Поняла, что должна что-то сделать, но что? Дама на крыльце и обе девочки выжидательно смотрели на приехавших.

Малышка оглянулась, ища глазами сестру Степаниду... и не увидела ее!

Глаза, всю дорогу успешно борющиеся со слезами, подвели. Мгновенно наполнились чем-то горячим, затем переполнились...

Затмившая свет влага безудержно побежала по щекам.

– Поздоровайся с господами, – подсказал сзади бородатый человек, но девочка ничего не могла с собой поделать. Слезы катились тяжелыми горячими горошинами, прокладывая чистые полосы среди серого налета дорожной пыли на щеках.

Девочка на крыльце, та, что постарше, скривилась, поджала губы. Проговорила негромко, но так, что гостя расслышала:

– Плакса!

Положение поправил хозяин дома.

Крупный высокий мужчина с красным от загара лицом и большими пушистыми усами, в синем мундире с золотыми пуговицами, появившись на крыльце, немедленно разрушил неловкую статичность, возникшую минуту назад. Он остановился, повел плечами. Лицо его расплылось в довольной улыбке.

В его движениях присутствовала важность, диктуемая чином. В то же время чувствовалась в нем некоторая простота, располагающая к нему людей, расположения коих он мог искать.

– Тихон Макарыч! – пророкотал хозяин, широко шагая навстречу гостям. – Давно ждем! А я уж было решил, что ты, каналья, передумал!

– Как можно, ваше благородие... Обещал ведь!

– А то не бывает? Хорошего повара ведь и сманить могут. Ну, рад. Рад. Где твоя поклажа? А это что? Дочка твоя?

Не замечая слез перепуганной крохи, важный мужчина поднял ее высоко над головой и опустил уже на добела выскобленные доски крыльца.

– Подружкой будешь воображалкам моим. Знакомьтесь.

Все пришло в движение, с телеги сняли незатейливую поклажу; монахиню и бородача повели в дом, а к заплаканной девочке повернулись обе хозяйкины старшие дочери.

– На вот, утрись. – Та, что поменьше, протянула девочке белый кружевной платок. – Тебя как зовут?

– Августина, – проговорила девочка, растерянно разглядывая нарядный кружевной платочек и явно не решаясь приложить его к перепачканному лицу.

– Августина... как длинно! – снова скривилась старшая. Выдернув из рук гостьи платок, сама вытерла ей лицо и вернула грязный сестре.

– Можно – Ася, – понемногу успокаиваясь, добавила девочка.

– Меня – Анна. Можно Анхен. А ее – Эмили. У нас мама немка, а папа русский. А у тебя?

– Что... у меня? – заморгала Ася.

– Ну, у тебя мама русская?

– Мама? Не знаю...

– У тебя вообще хоть мама-то есть?

Ася молча пожала плечами.

– Не знаешь? – в унисон спросили белесые девочки, одинаково расширив глаза. – С кем же ты жила?

– С сестрами, – улыбнулась девочка. Улыбка неожиданно преобразила ее смуглое личико, обозначив на щеках привлекательные ямки.

– У тебя есть сестры? А где они?

– В монастыре.

– Ты... жила в монастыре?

Глаза девочек совершенно распахнулись, и обе шляпки, склонившись над гостьей, образовали соломенный навес.

– Да. Я жила с сестрой Степанидой в келье, но иной раз меня забирали к себе сестры Аксинья и Феоктиста. Они добрые.

– Вот это да! – выдохнули девочки, разглядывая новую знакомую с неподдельным интересом. – И что ты делала там... в монастыре?

– Гусей пасла с сестрой Агафьей, курочек кормила. А то вышивать училась. У нас сестра Аксинья лики вышивает.

– Что?

– Лики святые. И лен хаживала молотить. Коробочку разотрешь, в ней семечки. Вкусные...

– Лен молотить! – передразнила Анна, Впрочем, не так уверенно, как прежде. – Ты же маленькая!

– А сестры меня всюду с собой брали. И по грибы, и по ягоды.

– Вот жизнь!

Сестры вцепились в обе руки новой подружки. Было ясно, что каждая хочет заполучить Августину себе. Еще бы! Она была столь не похожа на них самих, что не могла не вызвать интереса.

– Идем, мы тебе что-то покажем.

Сестры потащили Асю за собой. Обогнули большой дом и оказались в саду.

В сад выходило черное крыльцо, дорожка от него вела к деревянной уборной. Вдоль забора росли кусты смородины. Сам сад состоял из трех деревьев – черемухи, рябины и одинокой яблони.

Девочки подвели Асю к забору, соединяющему сад с соседним участком.

Эмили вынула из доски сучок.

– Смотри!

Ася приложила глаз к образовавшейся дырке. За забором был точно такой же садик, и в нем играли несколько детей.

– Это наши враги! – зловеще прошипела Анхен за спиной у Аси.

– Но иногда мы с ними играем, – грустно вздохнула Эмили. – Когда не воюем.

– А как вы... воюете?

– Мы им камни бросаем в огород и еще обзываемся! – хвасталась Анна. – Наш папа главнее ихнего. Они нам ничего не сделают.

– А кто ваш папа?

– Начальник полиции. Он самый главный в городе и еще в уезде. Уездный исправник. Поняла?

Ася кивнула. Она впервые слышала слова «уезд» и «полиция».

– А у них отец – земский доктор.

– Он нам лекарство горькое давал, – пожаловалась Эмили.

– Наш папа может ихнего запросто арестовать, – добавила Анна. – Теперь у нас повар будет, а у них всего-навсего – кухарка! У них только нянька старая, а нам гувернантку из Германии выписали.

– Кого? – осторожно переспросила Ася.

– Ну, такую даму, которая станет кругом с нами ходить.

– Как сестра Степанида со мной, – поняла Ася. – Это послушание такое?

Сестры переглянулись. Вышла заминка. Затем Анна уверенно добавила:

– Конечно. Если эта гувернантка слушаться не станет, маменька ее назад отправит.

Анна отодвинула Асю и наклонилась к дырке забора:

– В огороде пусто, выросла капуста!

Сию же минуту раздался удар камня о доски забора. Визгливый девчачий голос ответил:

– Анка, Анка, дырявая баранка! Дохлую Эмили покормить забыли!

– Слыхала? – удовлетворенно кивнула Анхен. – Они еще не знают, что нашего полку прибыло!

Потрясенная Ася молчала.

Военные действия пришлось прервать – сестер позвали в дом. Ася побежала было следом, но Анна показала ей на черное крыльцо:

– Тебе сюда!

Совершенно придавленная обилием впечатлений, Ася вошла в дом с черного хода и сразу увидела сестру Степаниду – на кухне ее поила чаем толстая улыбчивая нянька.

Ася подошла.

– Хорошо тебе здесь будет, ласточка, – грустно улыбнулась монахиня. – Дом большой, богатый...

– Что правда, то правда! – согласилась нянька. – Прислуги одной сколько! Две горничные приходящие, конюх, повар... А теперь еще немку барышням привезут...

На последних словах нянька обиженно поджала губы, и Асе стало ясно, что скорый приезд немки няньку отчего-то не радует.

– И деток много, – продолжала монахиня. – Скучать тебе не придется.

– Зачем скучать? – подхватила нянька, подвигая девочке табурет. – Мы с ней вместе деток нянчить будем. Грету и Петеньку. Они детки маленькие, а она девочка большая уже.

Нянька с монахиней переглянулись, и Асе это не понравилось. Она молча пила предложенный нянькой чай, понемножку откусывая от круглого сдобного бублика.

Потом ей наскучило слушать разговоры няньки и монахини, она вышла в сени. Деревянная лестница вела наверх. Ася, стараясь не шуметь, поднялась по ней. Наверху была дверь, створки ее чуть приоткрыты. Ася заглянула и увидела большую светлую залу. За столом, накрытым белой скатертью, обедали хозяева дома. Отец девочек сидел во главе стола. Под высокий ворот мундира была подоткнута салфетка. Хозяин с аппетитным хрустом расправлялся с куриной ножкой. Его супруга сидела рядом с дочерьми. Все трое чинно и неслышно ели суп. Посередине стола стояла чудная посуда, которую прежде Асе видеть не доводилось. Посуда эта была белая, пузатая, на выгнутых ножках, по бокам изящно изгибались белые же ручки. Сверху посуда закрывалась дутой крышечкой. Женщина в белом переднике, как догадалась Ася – та самая приходящая прислуга, снимала крышечку, запускала в посудину блестящий половник, не иначе – серебряный и наливала суп в тарелку с золочеными краями.

Ася постояла немного, с затаенным восхищением созерцая чужую удивительную жизнь, и вернулась назад, в сени. Из сеней она попала в темный коридор, где имелось несколько дверей.

Толкнула одну дверь – и... от неожиданности застыла, прижав руки к груди. Посреди каморки размером с келью возле топчана стоял бородатый и разбирал свои вещи.

– Что стоишь? Входи, – кивнул он.

Девочка не двинулась с места. Бородатый едва уловимо изменился в лице. Ася подумала, что рассердила его. Но голос прозвучал не сердито:

– Не бойся. Я – твой отец. Теперь стану служить вот... в этом доме. И ты будешь жить здесь, со мной. Называй меня папенькой. Поняла?

– Да, папенька, – пролепетала девочка и попятилась в коридор.

Ночевала она в каморке няньки, вместе с сестрой Степанидой. А наутро, проснувшись, не увидела монахини. Сердце стукнуло больно, подбросило Асю на ноги. Выскочила в коридор – нет. В сени – нет! Босиком во двор, в сад – нигде нет...

У крыльца незнакомая баба в платке толкла в жестянке кирпич. Рядом стоял медный самовар.

– Что мечешься как угорелая?

– А вы сестру Степаниду не видали?

– Укатила твоя Степанида спозаранку. И чаю не стала дожидаться.

Ася задохнулась. Как так? Не простилась! Уехала!

Слезы душили, подкатывали к глазам.

– Будить тебя не захотела, – примирительно добавила баба. – А ты не реви. Помогай мне самовар чистить. Бери-ка тряпочку, махай сюда и три вот так. Вот так.

Когда новый повар семейства Сычевых вышел во двор наколоть щепок для плиты, его дочка уже всю натирала медный самовар тертым кирпичом.

В ту же зиму ей довелось сильно захворать. Приходил сосед-доктор, давал микстуру, качал головой, пожимал плечами. Нянька приносила куриный бульон, но Ася не хотела есть. Ей совсем ничего не хотелось, только спать.

Один свой сон она запомнила – само собой отворилось окно, и в комнату вплыл ангел. Он был в длинной белой рубахе. Крылья за спиной доставали до пола. У ангела было женское лицо.

Ася попыталась улыбнуться, потому что ангел улыбался, но не вышло – пересохшие губы не слушались. Вдруг испугалась, что ангел исчезнет, а она так и не успеет спросить о чем-то важном!

Мешал разговор, звучащий до того назойливо, что стучало в голове. Говорила нянька с пришедшей к хозяйке портнихой. Ася различала размытые пятна их лиц в резком свете керосиновой лампы и хотела сказать, чтобы замолчали.

При этом ангела она видела четко, даже детально, а вот няньку с портнихой – смутно, в виде двух размытых пятен. Разговор их, крутившийся возле нее самой, хоть и не понимала вовсе, отчего-то запомнила четко, чтобы потом, через время, вдруг вспомнить все до единого словечка и задуматься.

– Плоха, видать, девчонка-то?

– Плоха. Не иначе – мать к себе забирает.

– А мать у ней отчего померла?

– Да кто ж знает? Нездешние они. Сам-то у господ служил, в имении под Питером. А к нам один приехал, с дочкой. Так бобылем и живет.

– Хозяйка небось расспросила его, что да как?

– Не знаю, как фрау Марта, а я дак с ним двух слов не сказала. Он молчит все. Хоть вроде мужик и незлой, но молчун, никто о них ничего не знает.

– А девчонка бы рассказала.

– Она сама не знает. В монастыре росла, пока отец не забрал.

– Вона как...

– То-то и оно. Говорят, любовь с тамошней барыней имел. От нее и дочка.

Портниха почмокала губами, ее изображение стало раскачиваться туда-сюда, как игрушка ванька-встанька.

– Выходит, девчонка-то не из простых? С голубыми кровями?

– Что толку-то? Горшки-то за чужими детьми выносить? Тут хоть голубая, хоть синяя.

– А барыня-то, говоришь, померла?

– Может, и не померла. Но может, и померла...

Разговор смешался, поплыл. Асе хотелось пить, но вместо слов получался лишь слабый стон. Брала досада – для чего так жарко натопили печь? Она кричала, но нянька не слышала.

Ангел шевельнулся, приблизился. От его одежд веяло прохладой. Она вспомнила – так и должно быть, ведь он зашел с мороза.

Ангел стал удаляться, а прохлада осталась. Ася начала поправляться.

Свой горячечный бред она вспомнила гораздо позже, когда подросла. Ей сравнялось десять, когда, делая свою обычную работу – вынося ночные горшки за хозяйскими детьми Петькой и Гретой, пробегая босиком по утопанному снегу до уборной во дворе, она вдруг отчетливо вспомнила весь разговор.

«Что толку-то? Горшки за чужими детьми выносить? Тут хоть голубая, хоть синяя!»

Это о ней! Она, Ася, – голубая кровь! Она достойна лучшей доли, чем прислуживать детям градоначальника. Ее мама – владелица богатого имения, и... никто в точности не уверен, что она умерла. Смерть обманчива. Ася тоже умирала, но не умерла.

Все эти мысли в какое-то мгновение острыми иголками прокололи затылок. Иголочки поменьше вонзились в спину. Ноги холода не ощущали, они привыкли. Вычистив горшки снегом, девочка вернулась в дом и села причесываться.

Старая няня, которую все продолжали называть по-молодому – Маришей, кончив молитвы перед закопченным ликом Богородицы, взяла гребень и повернулась к усевшейся на табурете Асе. Когда нянька справилась с упрямыми, пытающимися закрутиться в кольца

густыми Асиными волосами и сумела разделить их на пряди, девочка, глядя в зеркало поверх своей головы, спросила:

– Мариша, а это правда, что я – голубая кровь?

Нянька выронила гребенку.

– Что несешь хоть?

Но Асю было не так-то просто провести. Она хорошо знала Маришу, все оттенки ее голоса, все выражения круглого морщинистого лица. И теперь наблюдала за ней в осколок зеркала.

– Я все слышала. Я болела, а вы с портнихой говорили, что я – голубая кровь, потому что папенька любил графиню.

– Тьфу ты! Вот напридумала! При папеньке своем не вздумай хоть, не скажи!

– А чего ты испугалась, Мариша?

– Да с чего ты взяла, что я испугалась? В горячке ты была, привиделось тебе!

– Не бойся, Мариша, я папеньке не скажу. Я только хочу знать, это правда?

Нянька в сердцах бросила гребень и, переваливаясь, поковыляла к выходу.

Мариша в глазах Аси выглядела старой и толстой. Она вырастила двух старших детей хозяина и теперь ходила за младшими. Заодно свою ворчливую любовь распространяла и на Асю, хотя была не обязана.

Постепенно Ася привыкла к жизни в большом доме Сычевых. Хозяйка дома, фрау Марта, любила идеальный порядок во всем и поддерживала культ чистоты. В ее доме с утра до вечера натирали зеркала, чистили посуду и вытирали пыль.

В обязанности Аси входила помощь няне Марише, а также кое-какая работа в кухне. Отец доверял ей поначалу лишь начищать серебряные ложки и вилки, но некоторое время спустя она уже ловко управлялась с большими тарелками столового сервиза, чистила речным песком большие кастрюли, терла дресвой широкую парадную лестницу и мыла полы в нижнем этаже, у прислуги. Но ее манил верхний этаж, где жили хозяева и куда она могла подняться только по делу. Там, наверху, царила невиданная роскошь – на окнах висели тяжелые занавеси с кистями, кругом стояли кресла и диванчики, обитые точно такой же тканью, как и занавеси. У стены стояли высокие узкие часы с маятником, которые били каждые полчаса. В углу гостиной, на тумбочке, стоял волшебный ящик с чудным нездешним названием – герофон. К ящику прилагались картонные пластины с ровными дырочками. Пластины ставились дырочками на торчащие сверху иголки, крутилась приложенная сбоку ручка, и герофон издавал чудную музыку!

Герофоном пользовались по праздникам или же когда приходили гости.

Ася решила, что непременно, когда вырастет, устроит у себя такую же гостиную с музыкой.

Все было бы хорошо, если бы не гувернантка.

Воспитательница Анны и Эмили, Фрида Карловна, приехала в дом в то же лето, что и повар с дочкой, и сразу внесла изменения в прежние отношения. Вопреки ожиданиям Анны слушаться гувернантку должны были они с сестрой, а не наоборот. Родители даже слушать не желали жалоб на эту нескладную сухопарую особу с поджатыми губами, велели во всем ей подражать и говорить в ее присутствии только по-немецки.

Фрида Карловна сидела теперь между Анной и Эмили во время обеда и без конца делала им замечания. Она занималась с ними в детской, сопровождала во время прогулок и даже в саду, в беседке, они должны были гулять только в ее присутствии. Для Анны это было настоящее испытание. Как она злилась, бушевала и протестовала! Тщетно.

А как радовались враги! Теперь дети доктора злорадно хихикали, наблюдая из-за забора за муками сестер.

Зато Ася вдруг проявила большой интерес к гувернантке, быстро переняла ее манеру держать спину, научилась носить толстую книгу на голове не роняя. Таким образом тренировалась безупречная, на взгляд Фриды Карловны, походка.

– Здорово ты ее передразниваешь! – одобрила Анхен, наблюдая за тренировками Августины.

– Я не передразниваю, – возразила та. – Я тоже хочу научиться...

Анна усмехнулась:

– Это ты Карловне сказки рассказывай. Она, кстати, уверена, что ты ее передразниваешь.

Ася растерялась.

Она не сказала девочкам, призналась только себе самой, что очень хотела бы, чтобы это у нее была гувернантка, которая учила бы манерам. Но Фрида Карловна вела себя так, словно Аси просто не было рядом. Та, выбрав минутку, прибежала в сад, чтобы послушать стихи на немецком языке, что нараспев читала гувернантка позевывающим Анне и Эмили. Ася даже наизусть выучила две первые строки и хотела продемонстрировать свои успехи, но Фрида Карловна лишь скользнула по ней невидящим взглядом и сразу обратилась к Эмили. Так было несколько раз. Обида, зародившаяся и неясная, росла и искала выхода. За что? Ведь даже хозяйка дома не скупилась на похвалу и отмечала Асину старательность. Даже хозяин, Богдан Аполлонович, не позволял себе скользить по прислуге таким холодным невидящим взглядом! А Фрида Карловна всего лишь гувернантка!

Няня Мариша не скрывала своей антипатии к Фридке, как потихоньку за глаза звала ее.

– Злыдня! – шептала нянька, вышивая крестиком наволочку. – Без году неделя в доме, а уж нос-то дерет!

Однажды, когда Анна уже перешла в четвертый класс гимназии, к ней в гости пришла соученица и подруга Липочка Карыгина. Что это была за девочка! На ней была шляпка с лентами и ботиночки с блестящими черными пуговками. На руках девочки были митенки – такие ажурные летние перчатки, глаз не отвести! Липочка была чудо как красива.

Она весело щебетала, поднимаясь по лестнице, весело щебетала в горнице, едва кивнув гувернантке, не переставала щебетать, когда Анна провела ее в детскую и захлопнула дверь перед самым носом у Фриды Карловны.

Та постучала было в дверь, но ей не открыли. Анна не собиралась делить Липочку ни с кем, тем более позориться перед подругой зависимостью от гувернантки.

Потерпевшая первое поражение Фрида Карловна развернулась и наткнулась на Асю, протирающую толстые листья фикуса.

– Кто эта девочка? – впервые обратилась воспитательница к ней. Немка говорила по-русски с сильным акцентом, тщательно отделяя слова одно от другого, словно те могли испачкаться друг о друга.

– Это Липочка, дочка городского головы, купца Карыгина, – не без тайного удовольствия произнесла Ася. К тому времени она уже окончила церковно-приходскую школу и научилась четко и грамотно говорить. Ася догадалась, что статус Липочки должен каким-то образом повлиять на действия гувернантки. Либо она побежит докладывать о поведении Анны фрау Марте, либо оставит все как есть.

Не побежала. Но смотрела на Асю уже обычным своим взглядом, не видя. Тогда Ася оставила фикус и сказала, глядя ей в лицо:

– А моя мама – графиня. У нее большое имение, лес и озеро. Она умеет говорить не только по-немецки, но и по-французски и по-итальянски.

Гувернантка наклонилась к девочке, словно плохо слышала и хотела расслышать получше.

– Она скоро вернется из-за границы и заберет меня отсюда!

Гувернантка наклонилась к самому лицу Аси, и та увидела волоски, торчащие у дамы из носа.

– Маленькая дикая лгунья! – проговорила гувернантка. – Ступай вниз!

Ася никому не сказала об этом разговоре. Обида выросла в ней как большая грозовая туча. Она не могла понять до конца, что именно так обижает ее в поведении гувернантки, но слезы, которые она позволяла себе крайне редко, просто душили в тот день, когда Фрида Карловна обозвала ее лгуньей.

Она убежала к реке, сидела там до темноты.

– Я не лгунья, не лгунья! – повторяла она, кусая губы.

Тучи ползали над ее головой, словно желая усилить настроение. Ася знала – это всего лишь вновь собирается гроза, не первая за неделю. Но именно сегодня девочка решила – пусть гроза застанет ее здесь, пусть ей будет еще хуже, пусть льет дождь, сверкает молния, и пусть вспомнят, что она не приходила на кухню ужинать, пускай спросят эту Фриду, не видела ли она... Пусть ищут!

И тут Ася вспомнила про волшебное свойство молнии, о котором рассказывала девочкам все та же Фрида. Спасительное решение озарило голову!

Ася тут же поднялась, побежала к дому. Она решила не спать сегодня. Дождаться грозы.

Долго не спала, а заснув, то и дело просыпалась от ночной колотушки сторожа. Было необходимо застать молнию, встретиться с ней лицом к лицу.

Стихия смиростивилась. Девочка проснулась от того, что в окно будто бросили ком земли. Открыла глаза. Каморку, где она спала вместе с Маришей, озарил прозрачный синий свет. Неестественный звук, похожий на треск сухого дерева, прорезал ночь.

Ася обрадованно вскрикнула, спустила ноги с лавки, прыгнула на пол.

В одной длинной, до пят, ситцевой ночной рубашке босиком выбежала на крыльцо.

Ветер с силой стукнул дверью за спиной. Стихия бушевала – ветер трепал юбку, забытую на веревке, норовя сорвать, закружить, унести. Остатки соломы носились по двору, кружась вместе с пылью, бились о забор, а то поднимались выше и уносились на улицу. Было совсем темно.

В углу у конюшни скулил хозяйский пес Север – боялся грозы. У ворот на столбе скрипел фонарь.

Ветер подхватил подол, задрал к коленям.

Чтобы устоять на ногах, Ася ухватилась за перила, при этом вся устремилась вверх. Ориентируясь на скрип фонаря, наметила место, где, по ее предположению, должна появиться молния.

Собака, почуяв девочку, загремела цепью, заскулила, жалуясь.

Молния появилась сбоку, над конюшней. Прорезала небо наискось. Оно разорвалось неровным белым зигзагом, и, прежде чем последовали грозные раскаты грома, девочка выпалила в ослепительный режущий свет:

– Пусть моя маменька окажется жива и мы встретимся!

Страстно выговорив заготовленную фразу и видя, что молния не успела до конца растаять, торопливо добавила, жадно глядя в бело-голубые всполохи:

– И пусть у меня будет шляпка с лентами, как у Липочки Карыгиной!

Едва девочка выпалила заготовленные тайные желания, новые угрожающие раскаты вывернули рваное небо наизнанку, сотрясая летнюю ночь.

– Августина!

Грозный голос прогрехотал сверху. Он был столь громок и неожидан, что немудрено было принять его за глас с небес.

Колени подкосились. Она присела, отпустив перила, и зажмурилась. Все, ее час настал! Она как последняя язычница дерзнула обратиться с просьбой не к Божьим угодникам, а к стихиям... Кары не миновать. Разверзнутся хляби небесные, и...

Она открыла один глаз. Темнота у крыльца зашевелилась. Девочка дрожа прижалась к перилам. Язык не повиновался ей.

Темнота дохнула дымом и табаком. Затем в темноте возник огонек.

Затеппился, задрожал, стал расти, приобретая очертания ручного керосинового фонаря. За стеклом фонаря блеснули глаза, обрисовалось суровое лицо под картузом. Ниже носа лицо пряталось в густой черной бороде. Отец!

Ася открыла второй глаз, но осталась сидеть, прижав колени к подбородку.

– Ты чего тут? – строго спросил отец, приближая к дочери фонарь. – Отвечай, коли спрашивают!

Ася облизала губы и, не сводя глаз с фонаря, призналась:

– Фрида Карловна сказывала, будто на молнию можно желание загадать. Успеешь проговорить – сбудется... Я только... Я хотела...

– Тьфу, немчура! – шепотом выругался он и поставил фонарь под навес. Отец редко высказывал свое мнение об окружающих, но Ася догадывалась, что он недолюбливает гувернантку. Или, точнее, относится к ней с некоторым пренебрежением. Может быть, потому, что та свысока взидала на русскую прислугу, считала себя выше по рангу. Немка обедала за одним столом с хозяевами и жила во втором этаже, тогда как вся прислуга обитала внизу. Отец же – повар и знает себе цену. Гувернанток, тех, по его словам, пруд пруди, а вот хорошего повара по нынешним временам еще поискать надо.

Ася мучительно ожидала дальнейших расспросов, гадая, слышал ли отец только вторую часть ее желания или же разобрал все, от начала до конца?

– Чтобы из головы выбросила эти глупости! Шляпки... ленты... Это для барышень! Твое дело – по хозяйству помогать, делать, что скажут. Уяснила?

– Да, папенька...

– Ступай спать!

Она поднялась и сразу увидела – на том самом месте, где только что сверкала молния, вспыхивали оранжевые всполохи. Далеко над крышами, в стороне Учи, взлетали в небо рыжие снопы искр.

– Пожар!

Ее слова подтвердил тревожный тяжелый набат. Звонили в церкви, что на рву. Север, услышав набат, жалобно завывал.

– Запри за мной, – бросил отец, широкими шагами пересекая двор.

Ася закрыла за отцом ворота, задвинула тяжелый засов.

– Сейчас, Северка, я тебя отпущу, – кинулась к собаке, отвязала ошейник, обняла огромную лохматую голову. Крупная палевая сторожевая торопливо лизнула девочку в лицо и тут же пригнула голову к земле, виновато поскуливая. Собака стеснялась своего страха, и Ася подбодрила пса: – Я тоже грозы боюсь. И еще – пауков. Идем со мной.

Ася толкнула дверь конюшни. Собака и девочка пробрались внутрь. Лошади беспокойно топтались в стойлах, фыркали. Собака легла на солому, свернулась клубком.

– Ты полежи тут, а я залезу на сеновал, погляжу, что горит.

Ася забралась по деревянной лестнице наверх, стала пробираться через ворохи сена к окошку. Вдруг наступила на что-то упругое, отпрыгнула в сторону.

– Кто здесь? – раздалось в темноте.

– Это я, Ася. А ты кто?

– Кто, кто. Дед Пихто!

Но Ася уже и сама поняла, что наступила на Егора, который служил в доме одновременно конюхом и дворником.

– Я пожар хотела поглядеть.

– Пожар? Ну гляди...

Зевнув, Егор перевернулся на другой бок и засопел.

Хорошо было видно зарево вдалеке, изредка выбрасывающее кверху острые языки рыжего пламени. Набат на рву усилился, его подхватили в Богоявленском соборе на площади. Гул стоял над деревянным спящим городом. Ася слышала, что в тот год, когда родилась Эмили, а это как раз год рождения Аси, в Любиме выгорело полгорода. Тогда пожар сожрал весь центр и Нижний посад. Сгорели два завода, мельница, еще много чего. Всей губернией потом собирали средства, чтобы восстановить Любим. Город отстроили заново.

Представить такое трудно. И тем не менее сейчас на глазах у девочки пламя разрасталось, подтверждая свою мощь и неукротимость силою набата. А шестнадцатилетний здоровый детина Егор плевать хотел на весь пожар. Он даже не проснулся, когда Ася перебралась через его длинные ноги, чтобы спуститься вниз.

Она уже собиралась вернуться в дом, но в щель меж досок заметила, что парадная дверь дома отворилась, на крыльцо выплыл ореол керосиновой лампы. За ним – в ночном чепце заспанная старая дева Фрида Карловна. Позади нее появилась хозяйка. Неизменная длинная юбка, блуза под горлышко, узкие рукава.

Поразительно, но даже ночью хозяйка умудрялась выглядеть так, будто и не ложилась! Вот вроде как вышла к обеду и сейчас станет отдавать распоряжения. Блеснули стеклышки пенсне, фрау Марта вгляделась в зарево. По легким царапающим звукам Ася догадалась, что начинается дождь.

По двору разнесся громовой бас хозяина, а затем появился он сам. Богдан Аполлонович успел уже облачиться в форменный китель с золочеными пуговицами.

– Егор-р! – пророкотал хозяин, и немедленно сверху над головой девочки скрипнули доски, послышалась возня, и парень кубарем скатился с сеновала. На ходу натянул рубаху, пятерней пригладил вихры. Подмигнул Асе и вылетел из конюшни на мощеный двор. – Пожар проспишь, соня! – добродушно пошутил хозяин.

Ася слышала, как открылись ворота, простучали подковы по мостовой – за хозяином прислали бричку. Сапоги исправника протопали к воротам, снова цоканье копыт, скрип колес, стуканье дверей в соседних домах. Город просыпался.

Ася шмыгнула на черный ход, сверху ее окликнули:

– Эй, Аська! Поднимайся к нам!

Сверху, перевесившись через перила лестницы, на нее смотрели Анна и Эмили. Она взлетела наверх, все трое бесшумно пересекли столовую и скрылись в комнате девочек.

– Ты видела, что горит?

В темноте обе девочки – старшая, четырнадцатилетняя Анна, и ровесница Аси, Эмили, в белых ночных чепцах и длинных батистовых сорочках походили на привидения. Белесые брови и ресницы делали в темноте их бледные лица совсем плоскими.

– Кажется, трактир, – предположила девочка, боясь даже думать, что горит чей-то жилой дом. Трактиры горели довольно часто.

– Сильно горит?

– Полыхает! Искры так и летят!

– Ты пожарных видела?

– А пламя от нас далеко?

– За papà бричка приехала или тарантас?

Ася перевела дух. Внимание девочек ее опьянило.

– Видела, – соврала она про пожарных. – Каски блестят, колокол гремит. Мой отец сразу на пожар пошел, как только началось. Соседи тоже побежали. А за Богданом Аполлоновичем – бричка. Так горит! Я поднималась на сеновал и все видела.

Не скрывая зависти, сестры вздохнули. Фрау Марта не позволяла своим дочерям лазить на сеновал. Это была привилегия Аси.

– Вот бы гимназия сгорела! – вдруг сказала Анна, скрипнув пружинами кровати.

– Ты что?! – ужаснулась Эмили, которая только еще готовилась сдавать вступительные испытания в первый класс. Ей должны были заказать форменное платье с фартуком и манжетами у лучшего портного в городе.

Ася завидовала Эмили. Она, не задумываясь, отдала бы все свои привилегии и свободы – ходить в лес с ребятами без взрослых, купаться в реке не на территории купальни, а там, где вздумается, гулять по городу без гувернантки – все это она отдала бы не моргнув глазом за возможность учиться в гимназии для девочек и носить форменное платье с манжетами.

– Зачем? – спросила она у Анны в полном недоумении.

Анна, похоже, была удовлетворена произведенным на младших эффектом. Она любила уязвить ближнего, но даже не представляла, насколько расстроила своим заявлением подругу своих детских игр, поварову дочку Асю.

– Фи! Вы мальки и еще не знаете, каково это, учиться там! Одна латынь чего стоит! А математика? Уж я не говорю о географии. зубришь, зубришь все эти названия... Забудешься на уроке, а тебя классная дама линейкой по пальцам – хрясь!

Анна проворно выставила вперед, в направлении сестры, длинную худую руку. Эмили с визгом отпрыгнула.

Глаза ее от испуга стали, как у кошки Маруськи.

– Маленьких не бьют, – неуверенно возразила Эмили.

Ася не знала, что тут можно возразить, но ей ужасно хотелось что-нибудь сказать в защиту гимназии.

– А у нас в церковно-приходской школе все учителя добрые были. Батюшка Федор нас в лес водил и про птиц рассказывал.

– Сравнила! То школа, а то – гимназия! Вот у нас в прошлом году одну девочку из третьего класса на всю неделю без обеда оставили!

Видя, что наказание не произвело должного трепета на девочек с плохим аппетитом, Анна продолжала:

– А первоклашку одну стоять поставили на весь урок! А потом к директору вызывали!

– За что? – угрюмо спросила Ася, чувствуя, что глаза наливаются горячим. Она уже сожалела, что зашла к девочкам.

– А вот за то! – злобно подытожила Анна. – Забыла латинские глаголы!

Асе не хотелось продолжать разговор, тем более Эмили уже начинала хныкать, совершенно расстроенная рассказами сестры.

– Ну, зареви, плакса! – подначивала старшая.

Эмили угрожающе усилила тон зарождающегося плача. Ася буркнула «спокойной ночи» и юркнула за дверь. Нянька спала, прихрапывая. За окном хлестал ливень. «Значит, пожар не разрастется», – успокоенно подумала Ася.

Маришин храп мешал заснуть. Ася лежала и думала.

Не может быть, чтобы в гимназии было так плохо, как расписывает Анна.

Всякий раз, когда Асю посылали в булочную или же в лавку, она выбирала дорогу так, чтобы пройти мимо гимназии. Здание женской гимназии – двухэтажное, каменное, с широким парадным крыльцом. На переменах веселые гимназистки стайками высыпают на улицу и принимаются парами ходить по дощатым дорожкам, а в сухую погоду и бегать по всей улице в догонялки.

Гимназистки бывают разные. Те, что победнее, ходят в платочках, зимой – в шالях. Но большинство носит шляпки с лентами в тон форменному платью и высокие кожаные ботинки на каблучках, со шнуровкой по всей высоте или на пуговках.

У Аси дух захватывало, когда она любовалась гимназистками. Особенно шикарно выглядела, конечно же, Липочка. В отличие от белесой Анны Липочка была яркой – черной бровей, румяной, в меру округлой. Красавица. Ее платья, а в особенности шляпки, всегда были самыми лучшими и очень шли к ее свежему личику и фигуре.

Ася не раз останавливалась напротив гимназии, чтобы полюбоваться Липочкой. Вот если бы ей, Асе, выпало счастье дружить с такими девочками, иметь форменное платье чуть ниже колен, с фартуком, с белым кружевным воротником, белый шелковый передник с оборками и пальто с пелериной!

Сотни раз рисовала она себе картину: вот она важно прогуливается с подругой по узким дощатым мосткам, даже не глядя в сторону простых смертных, бегущих по своим делам по пыльной улице...

Мечты терзали ее больше тем, что им не суждено было сбыться. После того как Ася окончила третий класс церковно-приходской школы, отец однозначно заявил:

– Все, выучилась. Теперь дело знай.

А разве раньше она не «знала дело»? Учеба в школе никоим образом не освобождала ее от домашних обязанностей. Летом она пасла гусей на лужайке у пруда, ходила на Обнору полоскать белье, вышивала вместе с Маришей. Заодно тайком схватывала и то, чему учила девочек Фрида Карловна.

– Фрейлейн! Спина! Голова!

Спину нужно было держать так, будто к ней привязана доска. Эмили эта наука давалась с трудом. У Аси получалось.

Она научилась держаться прямо и изящно, высоко держать голову и всегда чинно ходить, без лишних суетливых движений. Так, по мнению Фриды Карловны, должны вести себя барышни. И все же гимназия, ставшая сущим наказанием для Анны, оставалась недостижимой мечтой для Августины. За гимназию нужно было платить, а отец считал это излишней роскошью.

Слизав соленую слезу, Ася скороговоркой помолилась Богу – попросила прощения за легкомысленные желания и зависть. Напоследок она попросила Бога позаботиться о маменьке – где бы та ни была – на земле или на небесах.

Этой же ночью, в то самое время, когда Ася выбежала на крыльцо, узрев синие отсветы молнии, в доме отца Сергея, священника Троицкой церкви, что на рву, не спали. Горело совсем недалеко, в двухэтажном деревянном доме причта. Внизу жил псаломщик Юрьев, уволенный тремя днями раньше за воровство. Во втором этаже – дьякон с женой и ребятами.

Пламя вырывалось из нижнего этажа, звенели стекла, летели вещи.

– Бегите на колокольню, – велел отец Сергей старшим сыновьям, Владимиру и Артему. – Звоните в набат! А ты, – взглянул на подлетевшего среднего, Алешу, – беги к бочке, снимай замок!

Алексей схватил ключи, метнулся во двор за братьями. Впереди мелькнули светлячками их фонарики. Наклонившись у крыльца за ботинками, услышал скрип качелей. Алексей заглянул за угол дома – на качелях, повернувшись лицом к пожару, сидел младший братишка, Ваня, и, держа перед собой икону, горячо молился.

Алексей улыбнулся, но не окликнул брата, побежал к церкви, возле которой когда-то был сооружен насос на случай пожара. Пока возился с замком, сверху, с колокольни, раздались первые удары среднего колокола. Ему вторил тот, что побольше. Удары вначале получились зловещие, мороз по коже, а затем колокола зазвонили без всякого ритма – беспорядочно.

койно, тревожно и немножко весело. Ни разу Алексею не удавалось звонить заполошный! И вот снова без него. Ему не терпелось оказаться рядом с братьями, попробовать раскатать самый большой колокол. Просто руки чесались! Он вприпрыжку помчался к церкви. Отсюда хорошо был виден пожар. С гулом и треском бушевал огонь. Гром и то и дело вспыхивающие молнии усиливали общую картину. Алексей чувствовал, как внутри закипает какая-то шальная буйная сила. Взлетел по лестнице на колокольню. Там, наверху, хозяйничал ветер – рубашку так и сдирало с тела, волосы рвались куда-то. Вот где силища!

Братья всю трудились – колокола гудели над самыми головами.

– Дай я попробую! – попросил Алексей Владимира.

Старший брат уступил место.

– Почаще бей, чаще, – уже исчезая в люке, наставлял Владимир.

– А ты куда?

– На кудыкины горы!

Ясное дело, Владимир помчался на пожар. Вот ведь досада! И почему Алексею не пришло это в голову раньше? Вечно старший брат опережает его на несколько шагов! Наверняка тому удастся помочь пожарным, а может, даже спасти кого-нибудь!

С колокольни как на ладони было видно все. Возле горящего дома колготятся люди – кто с баграми, кто с лопатами. Пожарные вытащили со второго этажа дьяконовых младших ребят – двух перепуганных девочек. Сам дьякон передавал из верхнего окна свое богатство – клетки с певчими птицами. Старший сын отца Федора, Митька, таскал из дома иконы. Начальник охраны в серебристой каске, судя по всему, страшно ругался и приказывал дьякону спускаться самому, а не спасать птах небесных. Тот в ответ лишь кашлял в дыму, делая дело.

Видели мальчики и своего отца, который подхватил на руки дьяконовых малышей и отнес их подальше от пожара.

Но больше всего внимание Алексея привлекали пожарные. Вот уж кто действует без всякой суеты!

– Вот бы в такой каске да на пожарной машине! – вырвалось у мальчика.

– Пожарным хочешь стать? – подхватил Артем, двигаясь в такт набату, почти повиснув на веревках.

– Я еще не решил, – небрежно бросил Алексей. Он несколько кривил душой, ибо в мечтах уносился далеко, видел себя у походных костров, среди боевых товарищей, преследующих коварного неприятеля. Он давно решил, кем хочет стать, но пока держал это в тайне, не хотел огорчать отца. Тот не уставал повторять, что видит Алексея священником.

– А вот Володька решил, – сказал Артем, бросая веревку. Колокола теперь звонили в городском соборе, этого было достаточно.

– Что? – осторожно поинтересовался Алексей, внутренне напрягаясь. Он предчувствовал и потому боялся услышать ответ.

– Родители ждут в гости дядю Георгия, тогда Володька и объявит.

– В военное? – выдохнул Алексей, отчего-то мучительно краснея. Будто кто-то выведал его тайну. – После семинарии?

– Ну да. Будем спускаться?

Уваленъ Артем не придавал значения тому, что так взволновало брата. Алексей же не мог успокоиться. Так он и знал! Владимир здорово придумал! Приедет дядя Георгий, полковник и герой Японской войны, он поможет Володьке уговорить отца. А когда подойдет очередь Алексея, родители напомнят о традиции, о том, что один из сыновей должен продолжить дело отца и все такое... Настроение Алексея, до того боевое и решительное, было поколеблено.

Отец, конечно, ни о чем не подозревает, надеется, что старший сын, Владимир, как принято в роду Вознесенских, отучившись в семинарии, станет священником, примет у отца приход. Так было в семье деда, где старший, Сергей, пошел по стопам отца, служит Богу, а младший стал офицером и служит царю и Отечеству. Жизнь отца протекала перед глазами и казалась обычной, даже – обыденной, а жизнь дяди проходила где-то там, далеко, и долетала до патриархального Любима яркими заманчивыми картинками, отзвуками героических событий на страницах газет, насыщенными рассказами дяди.

Семья дяди жила в Петербурге, а сам он со своим полком где только не побывал! В свои приезды к брату в Любим непременно затевал охоту, таскал за собой племянников, учил их стрелять и тешил армейскими байками. Теперь Алексею казалось, что он чуть ли не с пеленок мечтал о карьере военного, представлял себя на коне, в красивом мундире, как у дяди Георгия, во всей офицерской выправке! Теперь Владимир втихомолку присвоил себе его мечту, а что остается ему, Алексею?

Спустившись, братья попали под первые крупные капли начинающегося дождя. Пожарные сворачивали шланги. Дьякон, окруженный своим семейством и многочисленными клетками с птицами, сиротливо взирал на догорающий дом.

Остаток ночи Вознесенские устраивали погорельцев. Им отвели церковную сторожку, и мальчишки носили туда из своего дома одеяла, подушки, кое-какую утварь.

Вернулись, когда небо посветлело. Слышался в конце улицы бич пастуха и протяжный зов его дудки.

Мать раскатывала тесто на белой доске.

Владимир подошел, поцеловал мать. Алексей и это заметил. Понятно, старший брат теперь особенно ласков с родителями, будто уже прощается. Но еще неясно, согласятся ли они, отпустят ли его?

– Чаю хотите?

– Нет, мам, не хочется.

У открытой двери в детскую стоял отец, любовался малышами. Владимир подошел, Алексей тоже.

Десятилетняя Манечка во сне походила на куклу – румяные щечки, рассыпанные по подушке волосы. Единственная девочка в семье, она была всеобщей любимицей, слабостью отца.

– Манюня как ангелочек, – прошептал Владимир.

Отец ничего не ответил, но Алеша угадал сквозь усы его улыбку.

Ванечка спал в одежде, поверх одеяла, левой рукой прижимая к себе Иверскую икону Богоматери.

– А Ванька струхнул, – беззлобно пошутил Алеша. – Полночи на качелях с иконой просидел.

И сразу почувствовал, что отцу не понравились эти слова.

Отец прикрыл дверь и повернулся к Алеше:

– Кто-то должен пожар тушить, а кто-то – молиться. И что полезней – не нам судить.

И больше ничего не сказал, ушел к себе. Артем щелкнул младшего брата по носу. Тот в ответ толкнул увальня. Пока братья возились, Владимир появился в дверях с удочками.

– Я с тобой! – выпалил Алексей и метнулся в чулан за своими рыбацкими снастями.

– Ну, вы как хотите, а я – спать! – Артем зевнул и ушел к себе.

Отец Сергей стоял у окна в горнице, перебирая четки. Он видел, как сыновья с удочками вышли за калитку. Владимир шагал широко, Алешка копировал его осанку и походку, старался выглядеть старше. Отчего-то грусть коснулась сердца священника, когда он смотрел в удаляющиеся спины сыновей. Отец Сергей попытался отыскать причину своей грусти, и мысли привели его в детскую. Впечатлительность младшего сына сегодня согрела его.

Если бы каждый человек мог или хотя бы старался сохранить в себе душу ребенка, не дать обрасти ей коркой черствости, как это бывает... Давно ли старшие дети были такими, как Иван? Плакали над рассказом, который читала им мать, таскали домой бездомных котят? Теперь же зачерствели или же стремятся выглядеть черствыми. Даже Алеша, которому всего-то двенадцать, уже не плачет над погибшим птенцом, над книгой или во время пасхальной всенощной. Старшие сыновья все больше норовят удрать на охоту, любят бродить с ружьем. Все трое пока еще поют в церковном хоре, помогают во время службы, но душа их ищет чего-то острого, вольного, чего сам он никогда, даже в ранней юности, не искал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.